

не этот срок был пропущен, он может быть восстановлен. В этом случае также возможна подача жалобы в порядке выборочной кассации.

Установление такого срока законодателем снова подняло волну дискуссий в научной среде. Некоторые авторы отмечают, что установление шестимесячного срока не решает проблему множественного пересмотра решений суда, поскольку для этого необходимо установление более сжатого срока, что позволит рассматривать все поступающие по решению жалобы в едином производстве, накопив их в установленный законом срок, а не пересматривать одно и то же решение по несколько раз при поступлении новых жалоб от иных участников процесса [6, с. 33].

Следует отметить и тот факт, что законодатель допускает возможность на подачу кассационных жалоб в одну и ту же судебную инстанцию неограниченное число раз, если основание, по которым приговор, по мнению стороны, должен быть изменен, меняется. Найти возможности для установления новых оснований не так сложно, что на практике приводит к необходимости одним судом несколько раз принимать решение по одному и тому же итоговому решению суда общей юрисдикции.

На наш взгляд, сам факт введения порядка сплошной кассации существенно разгружает судебные инстанции и способствует более упорядоченному рассмотрению жалоб на судебные решения. В настоящее время кассационная инстанция в порядке сплошной кассации может рассматривать жалобы на все итоговые решения суда, в то время как выборочная кассация остается инструментом рассмотрения промежуточных судебных актов.

Несомненно, отсутствие срока кассационного обжалования при выборочной кассации нарушает право на защиту и может создавать как злоупотребления со стороны заинтересованных лиц, так и лишнюю волокиту, а учитывая высокую загруженность судебной системы, это никак не может способствовать развитию справедливого правосудия в нашей стране.

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.09.2019 № 30 «О дне начала деятельности кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, Центрального окружного военного суда» // Рос. газета. – 2019. – № 206.

2. Непомнящих, Л.А. Срок кассационного обжалования как фактор эффективности правовой защиты / Л.А. Непомнящих // Сиб. уголов.-процес. и криминалист. чтения. – 2022. – № 1. – С. 61–66.

3. Добровлянина, О.В. Некоторые проблемы, возникающие в связи с кассационным обжалованием апелляционного определения краевого суда по уголовному делу / О.В. Добровлянина // Ex Jure. – 2021. – № 2. – С. 144–152.

4. Давыдов, В.А. Срок обжалования в кассационном производстве: взгляд разработчиков законопроекта о поправках в УПК / В.А. Давыдов // Уголов. процесс. – 2020. – № 9. – С. 22–27.

5. Костанов, Ю.А. Пресекательный срок для сплошной кассации. Критический взгляд на предложение ВС РФ / Ю.А. Костанов // Уголов. процесс. – 2020. – № 7. – С. 88–93.

6. Головкин, Л.В. Институт сплошной кассации в уголовном процессе: позитивная инновация или очередная деформация? / Л.В. Головкин // Закон. – 2021. – № 7. – С. 32–43.

УДК 343.1

Б.Я. Гаврилов

РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО – СООТВЕТСТВУЕТ ЛИ ОНО СОВРЕМЕННЫМ РЕАЛИЯМ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ?

Анализ современного уголовного судопроизводства автором рассматривается с точки зрения его соответствия реалиям борьбы с преступностью с учетом эффективности его отдельных процессуальных институтов как досудебного, так и судебного производства. Значимым в ее оценке является учет мнений как правоприменителей¹, так и представителей науки, поскольку сегодня содержание многих правовых норм и в целом уголовно-процессуальных институтов является более, чем дискуссионным. В определенной степени свидетельствует об этом и внесение в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) за 20 лет его действия изменений 300-и федеральными законами, что не может свидетельствовать об идеальном законе и, соответственно, вызывает критику в его адрес со стороны представителей научного сообщества и правоприменителей.

Так, Л.В. Головкин, высказывая свою точку зрения относительно качества УПК РФ, отмечает, что данный кодекс «не только не стабилизировал отечественный уголовный процесс постсоветского образца, но, скорее, его «размыл» и дестабилизировал...» [1, с. 3–5].

У автора настоящей статьи соглашаться с данным утверждением оснований фактически нет, хотя с отдельными критическими высказываниями следует согласиться.

¹ До 2007 г. Б.Я. Гаврилов занимал должность заместителя начальника Следственного комитета при МВД России, с 1997 г. входил в состав рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной Думы Российской Федерации по подготовке проекта и принятию УПК РФ.

Вместе с тем главная причина внесения в УПК РФ весьма большого количества изменений обуславливается, по мнению автора, стремительным развитием в условиях нынешней действительности правоотношений в сфере уголовного судопроизводства, а также возросшими потребностями правоохранительных и судебных органов в совершенствовании процедур предварительного расследования и судебного разбирательства, что вряд ли представляется возможным отрицать. Автору настоящей публикации не представляется возможным согласиться и с позицией Л.В. Головки относительно качества уголовно-процессуальной кодификации в целом, поскольку она пытается копировать априори не сочетаемые с российской системой права англо-американские подходы, представляющие уголовный процесс в виде рыночного «состояния» государства со своими гражданами [1, с. 3–5].

Оценивая количество и качество УПК РФ и внесенных в него изменений, автор указывает на невозможность создания идеального закона, обращаясь к точке зрения В.Т. Томина о невозможности появления юридического чуда – уголовного процесса, который бы не только декларировал, но и реально обеспечивал неотвратимость ответственности [2, с. 112].

К изложенному о многочисленности внесенных в УПК РФ поправок автор отмечает, что необходимость этого обуславливалась решениями Конституционного Суда РФ, Европейского суда по правам человека и потребностями, как отмечено выше, правоприменительной практики. Вместе с тем часть из них носила популистский характер, а отдельные из поправок, в том числе внесенных Верховным Судом РФ, носили характер контрреформ (например, о порядке изложения доказательств в обвинительном заключении, о расширении положений института возвращения уголовного дела прокурору [3, с. 22–28]. Способствовали этому и компромиссные решения законодателя в процессе принятия УПК РФ, например, принятие Федеральным законом Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ переходных положений, в части сохранения за прокурором до 1 января 2004 г. права санкционирования заключения подозреваемых, обвиняемых под стражу [4], что, в свою очередь, обусловило принятие Конституционным Судом РФ постановления от 14 марта 2002 г. № 6-П [5] о признании не соответствующими Конституции РФ данного положения, следствием чего стало внесение законодателем в УПК РФ Федеральным законом Российской Федерации от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ (до вступления в действие УПК) целого блока изменений [6].

Имел также место и отказ от реализации предложенных еще в тот период подготовки УПК РФ ко второму чтению мер по реформированию

отдельных процессуальных институтов, что законодатель был вынужден реализовывать в последующие годы [7, с. 4–14; 8, с. 74–82].

Анализируя необходимость и целесообразность внесения в УПК РФ столь значительного количества изменений, считаем возможным обратить внимание на то, что только в одну ст. 6¹ УПК, введенную в УПК РФ Федеральным законом Российской Федерации от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ [9], были внесены изменения пятью федеральными законами с целью уточнения момента исчисления разумных сроков.

Говоря об обусловленности внесения в УПК РФ столь значительного количества изменений, следует обратить внимание и на то, что абсолютное большинство из них были обусловлены реалиями правоприменительной практики. Так, Федеральным законом Российской Федерации от 5 июля 2007 г. № 87-ФЗ [10] следователи были выведены из состава прокуратуры с последующим образованием Следственного комитета РФ; руководителю следственного органа от прокурора были переданы полномочия по процессуальному руководству предварительным следствием, о необходимости чего высказывалось как в научной среде, так и буквально накануне данной реформы непосредственно руководством Генеральной прокуратуры РФ, признававшей необходимость разграничения данных функций. О положительных изменениях наглядно свидетельствует многократное сокращение числа реабилитированных судом граждан, в том числе по делам следователей органов внутренних дел с 1 372 человек в 2006 г., из которых 524 подсудимых содержались под стражей, до 370 граждан в 2021 г., из которых 101 лицо содержалось под стражей. А по делам следователей прокуратуры (сегодня следователей Следственного комитета) это число в указанный период сократилось с 1 885 лиц, в том числе 954 содержащихся под стражей, до 630 подсудимых, из которых 241 лицо содержалось под стражей. Изменения коснулись института возбуждения уголовного дела и ряда других;

Федеральным законом Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [11] значительно был расширен перечень процессуальных, включая следственные, действий в стадии возбуждения уголовного дела, что предоставляет органам предварительного расследования возможность собирания доказательств в этой стадии уголовного процесса. Этим же законом введена сокращенная форма дознания, предусматривающая возможность расследования в более сжатые сроки и собирания доказательств в объеме, достаточном для осуществления судопроизводства по уголовному делу;

Федеральным законом Российской Федерации от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ [12] в УПК введена процессуальная фигура начальника подразделения дознания. Изменен и ряд других институтов.

Существенные изменения затронули и судебное производство: с 1 января 2013 г. апелляционный порядок пересмотра приговоров осуществляется не только на решения мировых судов, но и на приговоры и иные решения федеральных судов общей юрисдикции, с 1 июня 2018 г. суды присяжных введены в районных, городских, федеральных судах, а с 1 октября 2019 г. в систему судов общей юрисдикции включены пять апелляционных и девять кассационных судов, что призвано обеспечить право гражданина на пересмотр его дела вышестоящим судом.

Одновременно следует отметить, что в действующем УПК РФ не удалось преодолеть сложившиеся еще в рамках действия УПК РСФСР его заформализованность и забюрократизированность, что, наряду с другими факторами, обусловило его низкую эффективность, на что указывает, в частности, снижение количества направленных, например, следователями органов внутренних дел, в суд уголовных дел из числа возбужденных более чем на треть (с 36 % в 1991 г. до 23 % в 2021 г.) [13, с. 98–102; 14, с. 19–26].

Учитывая этот и ряд других факторов, существует настоятельная потребность в пересмотре отдельных процессуальных институтов, в том числе:

положений ст. 162 УПК РФ, предоставляющей органам предварительного следствия право продления срока предварительного следствия, ограниченного лишь сроком давности уголовного преследования, что противоречит норме – принципу (ст. 6¹ УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, исходя из содержания постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11-П, не должен превышать по уголовным делам четырех лет;

положений ч. 1 и ч. 1¹ ст. 221 УПК РФ в части увеличения первоначального (2 месяца) срока содержания обвиняемого под стражей, в который сегодня входят от 10 до 30 суток, для утверждения прокурором обвинительного заключения по поступившему к нему уголовному делу (по УПК РФ в редакции 2001 г. – 5 суток) и еще 14 суток для принятия судом (судьей) решения по поступившему к нему уголовному делу (ч. 1 ст. 227 УПК РФ);

процессуальных правил, регламентирующих институт предъявления обвинения, в том числе и в связи с участием адвоката-защитника с момента проверки в отношении лица сообщения о преступлении; а также с фактическим нивелированием различия в правовом статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ), кроме этапа окончания расследования. Аргументом является и направление в суд за период действия УПК РФ 5 млн расследованных в форме дознания уголовных дел без «классического» предъявления обвинения [15, с. 65–73];

замену дознания в сокращенной форме, которое как по срокам расследования, так и по объему собираемых доказательств сегодня почти ничем не отличается от дознания в общем порядке, протокольной формой расследования, производимого в течение 48 часов в отношении конкретного лица при его задержании с «поличным» и признании им факта совершения преступного деяния, с одновременным исключением процедуры возбуждения уголовного дела. Данная форма расследования должна предусматривать задержание лица на срок до 48 часов, в течение которых расследование должно быть завершено. При поступлении уголовного дела в суд срок задержания продлевается до 72 часов, необходимых для осуществления судебного разбирательства;

исключение из УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой повлекло за собой двукратное снижение количества возбужденных уголовных дел (с 3,3 млн в 2006 г. до 1,7 млн в 2021 г.) и, соответственно, увеличение (с 4,5 млн до 5,7 млн) за этот период количества «отказных» материалов при фактической неизменности (10,7 млн в 2006 г. и 9,3 млн в 2021 г.) числа зарегистрированных сообщений о преступлениях [16, с. 74–78].

Предложение автора статьи и других ученых-процессуалистов об исключении из УПК РФ его ст. 146 и 148 обусловлено и позициями Конституционного Суда РФ [17] и Верховного Суда РФ [18, с. 20–22] в части обязательного возбуждения уголовного дела по каждому вновь выявленному в рамках расследуемого дела факту преступления, а также при выявлении нового соучастника преступления, что противоречит сложившейся на протяжении более 60 лет практике возбуждения и расследования в подобных случаях единого уголовного дела.

В качестве вывода автор отмечает, что за 100 лет действия в России уголовно-процессуального законодательства содержание его основных процессуальных институтов как возбуждение уголовного дела, сроки расследования, предъявление обвинения и ряда других фактически остались неизменными, что обусловило потребность в разработке доктрины досудебного производства, призванной отразить происшедшие в жизни российского государства изменения, чему сегодня в значительной мере препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше уголовно-процессуальных институтов, не позволяющих обеспечить эффективность современного уголовного судопроизводства.

1. Головкин, Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? / Л.В. Головкин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 3–5.

2. Томин, В.Т. Уголовное судопроизводство: революция продолжается / В.Т. Томин. – Горький, 1989. – 112 с.

3. Гаврилов, Б.Я. Идеология формирования современного досудебного производства / Б.Я. Гаврилов // Тр. Акад. упр. МВД России. – 2018. – № 1. – С. 22–28.

4. О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации, 18 дек. 2001 г., № 177-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52. – Ч. 1. – Ст. 4924.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.03.2002 № 6-П «По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Мартынова и С.В. Пустовалова».

6. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации, 29 мая 2002 г., № 58-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 22. – Ст. 2027.

7. Гаврилов, Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя / Б.Я. Гаврилов // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. – 2021. – № 6. – С. 4–14.

8. Божьев, В.П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика / В.П. Божьев, Б.Я. Гаврилов // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2017. – № 2 (38). – С. 74–82.

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства или права на исполнение судебного акта в разумный срок» : Федер. закон Рос. Федерации, 30 апр. 2010 г., № 69-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 18. – Ст. 2145.

10. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : Федер. закон Рос. Федерации от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 24. – Ст. 28–30.

11. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации, 4 марта 2013 г., № 23-ФЗ // Собр. законодательств Рос. Федерации. – 2013. – № 9. – С. 875.

12. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации, 6 июля 2007 г., № 90-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 24. – Ст. 2833.

13. Гаврилов, Б.Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? / Б.Я. Гаврилов // Акад. мысль. – 2019. – № 3 (8). – С. 98–102.

14. Гаврилов, Б.Я. Эффективность досудебного производства / Б.Я. Гаврилов // Уголов. судопроизводство. – 2017. – № 2. – С. 19–26.

15. Гаврилов, Б.Я. Современное досудебное производство: видение ученого и практика / Б.Я. Гаврилов // Актуальные вопросы производства предвари-

тельного следствия: теория и практика : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., 11 апр. 2019 г. – М. : Моск. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2019. – С. 65–73.

16. Божьев, В.П. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России / В.П. Божьев, Б.Я. Гаврилов // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 74–78.

17. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 18 июля 2006 г., № 343-О. – Режим доступа: <http://sudbiblioteka.ru/ks>. – Дата доступа: 15.10.2022.

18. Кожокар, В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ / В.В. Кожокар // Тр. Акад. упр. МВД России. – 2015. – № 1. – С. 20–22.

УДК 343.12

В.А. Гончаров, Д.А. Дылевская

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В 2021 г. в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (УПК) внесен ряд изменений и дополнений. Одной из значимых и существенных новелл послужило законодательное закрепление возможности применения медиации в уголовном процессе. В частности, ст. 6 УПК пополнилась такими понятиями, как «медиативное соглашение» (п. 14¹), «медиатор» (п. 14²) и «медиация» (п. 14³). Наряду с этим, УПК дополнился отдельной ст. 30¹, посредством которой закрепился процессуальный порядок примирения обвиняемого с потерпевшим.

Внедрение в отечественный уголовный процесс абсолютно нового, никогда ранее не применявшегося института, явилось подлинным инновационным прорывом в развитии уголовного судопроизводства. Разрешив применение медиации в уголовном процессе, законодатель, руководствуясь международным опытом, полагаем, тем самым стремился по отдельным категориям дел расширить практику применения процедуры примирения между обвиняемым и потерпевшим, с целью обеспечения возможности прекращения производства по делу с последующим освобождением лица от уголовной ответственности по данному основанию. Предполагалось, что это существенно упростит работу